

УДК 81'322

**ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ¹
CORPUS-BASED STUDY OF THE CATEGORY OF UNCERTAINTY IN
THE RUSSIAN LANGUAGE**

**В. А. Нуриев
V.A. Nuriev**

Институт языкознания РАН, Россия, 125009, г. Москва, пер. Б. Кисловский, 1

Institute of Linguistics, RAS, 1, B. Kislovsky lane, Moscow, 125009, Russia

E-mail: nurieff.v@gmail.com

Ключевые слова: параллельный корпус, перевод, лингвоспецифичные единицы, контрастивная лингвистика, семантические категории, русский язык, французский язык.

Keywords: parallel corpus, linguospecific units, contrastive linguistics, semantic categories, category of uncertainty, Russian, French.

Аннотация. В статье представлены терминологический аппарат, методология, первые результаты и перспективы исследования показателей неопределенности в русском языке на основе данных параллельного русско-французского подкорпуса Национального Корпуса Русского Языка (НКРЯ). Исследования в области анализа языковой семантики интенсивно развиваются на протяжении последних нескольких десятилетий. В 1990-х гг. была высказана идея о том, что каждый язык оперирует некоторым набором языковых доминант. Согласно Е.В. Падучевой, для русского языка одной из таких доминант является неопределенность. Развивая этот тезис, мы проводим дальнейший анализ и описание семантической категории неопределенности в русском языке. В качестве исследовательского материала используются русско-французские параллельные тексты, входящие в состав НКРЯ, что позволяет привлечь перевод в качестве одного из исследовательских методов и получить принципиально новые научные данные.

Abstract. This article is a position paper that aims to present the research framework and the very first results of a Russian-French parallel corpus-based study. The paper focuses on the category of uncertainty and its markers in Russian compared with French. It finds its roots in the contrastive approach to the studies of language semantics that has been actively developed for the last several decades by many scholars. In the early 1990s, they have got interested in the specific semantic features of a certain language that make it different from other languages. That is how the concept of semantic dominants appeared. Uncertainty is thought to be one of those dominants for the Russian language. The presented investigation is based on this statement. Therefore the main purpose of the study in question is to reveal different kinds of such markers and give their extensive account. Here the corpus-based approach is likely to be the most fruitful, since parallel literary texts in different languages help to see the subtle differences and traits that usually remain hidden in a single language analysis.

1. Введение

Исследования в области анализа языковой семантики интенсивно развиваются на протяжении последних нескольких десятилетий.

В отечественной традиции, с одной стороны, сформировалось направление корпусных исследований русской грамматики (rusgram.ru), с другой – оформилась традиция изучения культурно-специфичной языковой семантики и лингвоспецифичной лексики (ср. работы В.Г. Гака, Ю.Д. Апресяна, В.Ю. Апресян, Н.Д. Арутюновой, И.Б. Левонтиной, Е.В. Падучевой, А.Д. Шмелева и др.). Наряду с ними выделилось относительно новое направление – контрастивные корпусные исследования (ср. труды Д.О. Добровольского, Анны А. Зализняк, А.А. Кретьева, Д.В. Сичинавы и др. [3; 4; 5; 18]), в русле которых и выполняется данная работа.

2. Постановка задачи

В своей статье 1996 г. Е.В. Падучева пишет, что неопределенность составляет одну из «семантических доминант» (термин А. Вежбицкой) русского языка [13]. Это широкая семантическая сфера, значительно разработанная в русском языке по сравнению с языками других групп. В отличие от языков Западной Европы, в русском языке отсутствует грамматическая категория определенности / неопределенности, а также неопределенные местоимения-существительные, соответствующие английскому *one*, французскому *on*, немецкому *man*. Между тем, русские показатели неопределенности образуют разветвленную систему, позволяющую передавать тонкие смысловые различия, в других языках трудно выражимые. Особое место в этой системе занимает отдельный

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 14-06-31358 мол_а.

класс неопределенных местоимений и наречий, который выражает «слабую определенность». Кроме того, имеется обширная группа средств выражения неопределенности субъекта (разнообразные типы безличных, неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений).

Представляемое исследование опирается на тезис о неопределенности как одной из «семантических доминант» русского языка. Оно направлено на изучение и описание семантической категории неопределенности посредством анализа средств ее выражения при переводе. Материалом служат тексты, составляющие русско-французский подкорпус НКРЯ.

3. Русские языковые показатели неопределенности и их французские функционально-эквивалентные переводные соответствия

В упоминавшейся выше статье 1996 г. Е.В. Падучева задает структурные параметры модели исследования русских языковых показателей неопределенности, справедливо помещая эту модель в сферу коммуникативного синтаксиса и предлагая адаптированный к ее нуждам терминологический аппарат. Семантика неопределенности необходимо связывается с субъектами речевого действия – первичными и вторичными. Также выделяется значение неопределенности объекта, выражаемое языковыми средствами, значительную долю которых составляют неопределенные местоимения: нереферентные, собственно неопределенные, слабоопределенные. Выявляется неопределенность как пропозициональная установка, когда значение неопределенности распространяется на всю предикацию, а не сконцентрировано в единичном лексическом маркере.

Категория неопределенности в русском языке передается с помощью обширного арсенала средств, каждое из которых имеет свою функциональную нагрузку. Это неопределенные местоимения и наречия типа *какой-нибудь, кто-то, кое-какой, один, однажды, некоторые, кое-где, некогда* и др., показатели эпистемической модальности *должен, должно быть; вроде (бы); не то ..., то ли... то ли, или; чуть ли не; как будто, как бы; что ли; что-то*; разные типы неопределенно-личных предложений и т.д.

Особенности их употребления с разной степенью детализации приводятся во многих работах (ср. [10, с. 48; 1, с. 172; 2, с. 187-188; 8; 9, с. 119-126; 12; 13; 14, с. 538-543; 15, с. 191; 16, с. 114-115; 17]). Рассматриваемые в качестве примеров контексты, как правило, ограничиваются цитацией классических и современных русскоязычных произведений, что совершенно оправдано целевыми установками. Однако в изучении русских языковых показателей неопределенности представляется весьма интересным и продуктивным контрастивный анализ. Установление, по данным параллельного корпуса, французских соответствий для указанных единиц русского языка позволяет иначе взглянуть на особенности их употребления. Наличие одной и более иноязычных (в данном случае, французских) речевых реакций на определенную стимульную русскую языковую единицу – часть словосочетания, предложения и текста – помогает выявить те ее характеристики, которые остаются незамеченными при рассмотрении одноязычных контекстов. Ситуация сопоставления в данном случае принимает форму нелабораторного (естественного) эксперимента, где в качестве респондентов выступают французские литературные переводчики, работавшие с оригинальным русским текстом (о естественном эксперименте подробнее см. [11]). В этой связи особенно интересно сравнивать варианты перевода одного и того же речевого отрезка, для чего здесь используется поливариантный параллельный русско-французский подкорпус НКРЯ.

В частности, контрастивный анализ помогает установить степень выраженности самого признака неопределенности, закрепленного в значении той или иной языковой единицы, и выявить факторы ослабления / усиления его интенсификации.

Рассмотрим несколько примеров из НКРЯ, где русские речевые отрезки представлены со своими французскими функционально-эквивалентными переводными соответствиями и содержат нереферентное местоимение *какой-нибудь*:

(1) *Предстояло думать о средствах к принятию **каких-нибудь** мер.* [И.А. Гончаров. Обломов (1848-1859)]

*Il fallait donc prendre **des** mesures.* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov 1959)¹]

*Il fallait songer aux moyens de prendre **des** mesures.* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson 1988)]

(2) *Обломов иногда интересовался **какою-нибудь** новостью, пятиминутным разговором...* [И.А. Гончаров. Обломов (1848-1859)]

*Certes, Oblomov s'intéressait parfois à **une** nouvelle qu'ils lui apportaient, aux brefs propos qu'il échangeait avec eux...* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov 1959)]

*Il arrivait à Oblomov de s'intéresser à **une** nouvelle, de suivre une conversation de cinq minutes...* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson, 1988)]

¹ В круглых скобках даны имена переводчиков и год издания перевода.

(3) Конечно, недурно заглянуть и в театр и влюбиться в **какую-нибудь** Лидию... она миленькая! [И.А. Гончаров. Обломов (1848-1859)]

*Évidemment, il n'est pas mauvais de jeter de temps en temps un coup d'œil au théâtre, ni même de tomber amoureux d'une **quelconque** Lydia. Elle est mignonne, cette Lydia.* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov)]

*Bien sûr, il n'y a pas de mal à aller une fois ou deux au théâtre, à s'amouracher de **quelque** Lidia... Elle est gentille!* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson 1988)]

(4) Он долго думал, долго ловил **какую-нибудь** угловатую черту, за которую можно было бы уцепиться... [И.А. Гончаров. Обломов (1848-1859)]

*Il réfléchissait, cherchait à saisir **quelque** trait précis sur lequel il pût avoir prise...* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov 1959)]

*Il réfléchissait longtemps, cherchait longtemps **quelque** trait anguleux à quoi se raccrocher...* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson 1988)]

(5) Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его на **каком-нибудь** вечере. [Н.В. Гоголь. Шинель (1842)]

*Personne ne pouvait dire qu'il l'avait jamais vu à **une** soirée.* [Nikolaï Gogol. Le Manteau (André Markowicz 2007)]

*Quant à Akaki Akakiévitch, jamais personne ne put dire qu'on l'avait vu à **une** soirée **quelconque**.* [Nikolaï Gogol. Le Manteau (Boris de Schloezer, 1925)]

*Personne ne pouvait affirmer l'avoir croisé un jour dans **une** soirée.* [Nikolaï Gogol. Le Manteau (Bernard Kreise 1998)]

*Personne ne pouvait se souvenir de l'avoir jamais aperçu à une soirée **quelconque**.* [Nikolaï Gogol. Le Manteau (Henri Mongault 1938)]

(6) ...кто на вечер — истратить его в комплиментах **какой-нибудь** смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга... [Н.В. Гоголь. Шинель (1842)]

*...qui, à une soirée — pour la dépenser en compliments à **telle ou telle** jeune fille déturée, étoile d'un cercle restreint de fonctionnaires...* [Nikolaï Gogol. Le Manteau (André Markowicz 2007)]

*...d'autres encore vont à des soirées, où ils dépensent leur temps à faire la cour à **quelque** piquante demoiselle, étoile d'un petit cercle bureaucratique...* [Nikolaï Gogol. Le Manteau (Boris de Schloezer 1925)]

*...d'autres encore se dépensant pour la soirée en compliments à **quelque** ravissante jeune fille, étoile d'un petit cercle de fonctionnaires...* [Nikolaï Gogol. Le Manteau (Bernard Kreise 1998)]

*...celui-là se rend en soirée pour y débiter des compliments à **quelque** piquante jeune fille, étoile d'un petit cénacle d'employés...* [Nikolaï Gogol. Le Manteau (Henri Mongault 1938)]

Не во всех приведенных примерах нереперентное местоимение *какой-нибудь* лексикализуется во французском переводе. В зависимости от целого набора факторов признак неопределенности либо получает переводную реализацию в качестве отдельной лексемы (*quelque, tel ou tel / telle ou telle, quelconque*), в которой закреплено соответствующее значение, либо, снижая интенсификацию и «расщепляясь», грамматикализуется при помощи артикля *un / une / des*.

Неопределенный артикль заменяет местоимение *какой-нибудь*, если в русском предложении оно относится к неодушевленному существительному (пример 1, 2). Когда *какой-нибудь* приобретает дополнительные оттенки значения, становясь частью отрицательного высказывания (пример 5), происходит нагнетание признака неопределенности, что проявляется в переводческих осцилляциях (*une / quelconque*). Дистантное положение по отношению к определяемому слову служит сигналом к обязательной лексикализации в переводе, что свидетельствует о более выраженном значении неопределенности (пример 4).

Определяя одушевленное существительное, *какой-нибудь* в большинстве случаев находит соответствие в форме отдельной лексемы при переводе (пример 6, 3).

Контрастивный анализ демонстрирует, что интенсификация / ослабление признака неопределенности зависит от таких параметров, как синтаксическая позиция маркера неопределенности в предложении, его коммуникативная нагрузка (неопределенность субъекта / объекта) и т.д.

Практически каждый из русских маркеров неопределенности при переводе на французский язык обнаруживает примечательные особенности, неочевидные при анализе только русскоязычных контекстов.

Собственно-неопределенное местоимение *кто-то* в половине случаев не переводится прямым французским аналогом *quelqu'un*¹. Переводчик сообщает ему функцию анафора и пытается в переводе восстановить соответствующий антецедент, выражая неопределенность с помощью грамматических маркеров. В этой связи приведем два примера:

¹ По всей видимости, это происходит из-за того, что употребление *quelqu'un* накладывает определенные ограничения. В ряде ситуаций, обозначая кого-то местоимением *quelqu'un* один из коммуникантов знает, о ком идет речь.

(7) ...или в лесу **кто-то** прогуливается, будто с фонарем, да страшно хохочет... [И.А. Гончаров. Обломов (1848-1859)]

...*Dans la forêt un promeneur muni d'une lanterne riait d'un rire terrible...* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov 1959)]

...ou encore **un être** muni d'une lanterne se promenait dans la forêt, riait aux éclats à faire frémir... [Ivan Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson 1988)]

(8) Река тоже присмирела; немного погода и в ней вдруг **кто-то** плеснул еще в последний раз, и она стала неподвижна. [И.А. Гончаров. Обломов (1848-1859)]

Et celle-ci s'assagit à son tour: un dernier clapotement, et elle est immobile. [Ivan Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov 1959)]

...*et de la rivière endormie: peu après on y entend un dernier clapotis, puis elle s'immobilise.* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson 1988)]

В трех из четырех случаев русский показатель неопределенности *кто-то* удаляется из перевода, не получая реализации в качестве полнозначной лексемы (исключение – *un être*), а контактный русский глагол трансформируется во французское существительное (*прогуливаться* – *promeneur*, *плескать* – *clapotement, clapotis*), при котором ставится неопределенный артикль. Весь синтаксический контур французского предложения коренным образом изменяется по сравнению с русским. Примечательно, что в примере 8 второй переводчик вводит дополнительный глагол (*entendre* – *слышать*), иначе выстраивая коммуникативную рамку описываемой ситуации, больше эксплицируя позицию наблюдателя/слушателя. Реконструируя и первую, и вторую ситуацию из примеров 7-8, мы можем заметить, что *кто-то* вводит неопределенность персонажа, но персонажа второстепенного, не несущего дальнейшей функциональной нагрузки в сюжетной развертке. Соответственно признак неопределенности не требует обязательной акцентуации и интенсификации, потому маркируется грамматическими средствами в трех переводных вариантах из четырех. По той же причине при переводе *кто-то плеснул* в обоих случаях нивелируется признак одушевленности, характерный для русского *кто-то*.

Сопоставляя таким образом русские и французские параллельные тексты, можно установить, какие показатели неопределенности являются лингвоспецифичными для русского языка, где французский язык усматривает в русском языке неопределенность и реализует ее, вводя неопределенный артикль и неопределенное местоимение-существительное *on* (не имеющие аналога в русском языке).

4. Дальнейшее направление исследования

Отметим, что приведенные речевые отрезки являются отрывками классических произведений русской литературы. Данное исследование предполагает существенное расширение русско-французского подкорпуса НКРЯ на основе оригинальных текстов и переводов современной художественной литературы (произведения В. Аксенова, С. Алексиевич, А. Солженицына, В. Сорокина, братьев Стругацких, Л. Улицкой и др.). Такое расширение позволит проследить на современном материале, насколько изменяются / усиливаются / удаляются маркеры неопределенности, переходя из русской языковой среды во французскую. Еще одна причина, обосновывающая необходимость расширения русско-французского подкорпуса, заключается в более четкой регламентации деятельности литературного переводчика во Франции за последние тридцать лет. До этого языковые единицы, ответственные за передачу неопределенности, не всегда находили свои соответствия в переводах на французский язык, в отдельных случаях при переводе имели место значительные опущения. Однако сейчас, благодаря более четкой кодификации деятельности литературного переводчика, показатели неопределенности игнорируются значительно реже. Расширение русско-французского подкорпуса НКРЯ даст возможность получить представление о бытовании категории неопределенности не только в языке классических произведений, но и в современных текстах. Также оно позволит проследить, как со временем изменялись переводческие стратегии в отношении одного и того же маркера неопределенности в русском языке.

В ходе исследования предполагается усовершенствовать методику выявления лингвоспецифичных языковых единиц русского языка, разработанную и применяемую авторами монографий: «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [6], «Константы и переменные русской языковой картины мира» [7].

Основываясь на анализе параллельного русско-французского корпуса, планируется установить французские функционально-эквивалентные переводные соответствия для русских лингвоспецифичных единиц – показателей неопределенности. Предполагается статистически оценить удельный вес того или иного соответствия среди всего множества переводных вариантов, полученных на одну русскоязычную стимульную единицу. Статистические исследования такого рода на русско-французском корпусном материале еще не проводились, однако их результаты могут иметь

большое значение для контрастивной лингвистики, двуязычной лексикографии, теории и практики перевода.

Для лингвоспецифичных единиц – показателей неопределенности будут фиксироваться и анализироваться случаи отсутствия в параллельных текстах адекватных переводных соответствий и случаи, когда перевод отсутствует.

5. Заключение

Сопоставительное описание специфических черт семантической системы русского языка на основе современных корпусных данных – задача исключительной важности, открывающая значительные перспективы в разработке принципов корпусно-ориентированного сопоставительного исследования языковой семантики. Представленное исследование на последующих этапах позволит инвентаризировать единицы русского языка (лексические, грамматические, конструкционные), выражающие значение неопределенности; уточнить типы значений понятийной категории неопределенности, выражаемых в русском языке, на фоне универсального грамматического набора; теоретически осмыслить полученные результаты как фрагмент корпусной грамматики русского языка и адаптировать их к нуждам двуязычной лексикографии, теории перевода и преподавания.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.
2. Былинский К.И., Розенталь Д.Э. Литературное редактирование – М.: Флинта, Наука, 2011. – 400 с.
3. Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов в исследовании лексической семантики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог 2004. – М.: Наука, 2004. – С. 179-184.
4. Добровольский Д.О., Кретов А.А., Шаров С.А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. – М.: Индрик, 2005. – С. 263-296.
5. Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 383-401.
6. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
7. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.
8. Кузьмина С.М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений. В кн.: Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. – М.: Наука, 1989. – С. 158-231.
9. Николаева Т.М. От звука к тексту. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – 680 с.
10. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Апресяна Ю.Д. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 1488 с.
11. Нурiev В.А. Некоторые особенности мысленного эксперимента и его роль при реализации художественного перевода // Ментальность. Коммуникация. Перевод. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – С. 141-159
12. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
13. Падучева Е.В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира [Электронный ресурс] / Падучева Е.В., 1996. Режим доступа: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/dominanta1_1996.pdf
14. Падучева Е.В. Статьи разных лет. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 736 с.
15. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. В 2 томах. Том 1 – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 568 с.
16. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 624 с.
17. Шмелев А.Д. Парадоксы идентификации. В кн.: Тожество и подобие. Сравнение и идентификация. – М.: Наука, 1990. – С. 33-51.
18. Loiseau S., Sitchinava D.V., Zalizniak Anna A., Zatsman I.M. Information Technologies for Creating the Database of Equivalent Verbal Forms in the Russian-French Multivariant Parallel Corpus // Информатика и ее применения, 2013. Том 7, вып. 2. – С. 100-109.